

И.Т.Вепрева
Екатеринбург**Кто мы такие? Как нам себя называть?
(К проблеме идентификации современного российского
общества)**

Вследствие глубоких перемен в современном российском обществе происходят изменения в массовом сознании, в отнесении себя к определенным социальным категориям и принятии новых ценностных ориентиров. Распался Советский Союз, и распалась общность, именуемая себя «советскими людьми». Отнесение себя к категории «советский человек» определяло образ жизни, стиль поведения, ценностные ориентиры. Современные психологи и социологи сегодня говорят о кризисе социальной идентичности, который наблюдается на уровне самосознания [Андреева 2000, Лебедева 1999, Павленко 1997]. Кризис идентичности определяется «как отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы новым требованиям реальности» [Иванова 2002: 135] и требует адекватной адаптации в этой реальности, поиска новой идентичности.

Важными вопросами, которые отражают желание человека постичь собственную социальную идентичность, являются вопросы: Кто Я? Кто мы? Как нам себя называть? Подобные вопросы показывают особое отношение языковой личности к самому акту номинации, подчеркивают онтологическую ценность проблемы номинации [Норман 1996: 62]. Цель статьи – проследить на материале рефлексивных, и прежде всего метаязыковых, высказываний, выбранных из современной периодической печати, как осуществляется идентификационный процесс при изменении национально-государственных рамок идентификации, при вытеснении *советского русским*.

Если в спокойной общественной ситуации «этническое самосознание чаще всего не актуализировано, “размыто”» [Дробужева 1998: 165], то в «смутные времена» роль этничности возрастает. Она выполняет защитную функцию, являясь своеобраз-

ной реакцией на нестабильность общества, поскольку «в целях удовлетворения банальной потребности человека в определенности на сцену выходит более древняя и устойчивая форма информационного структурирования мира — этническая» [Лебедева 1993: 34].

Проследим динамику самоутверждения «русскости». Необходимость новой номинативной единицы, называющей жителей России наряду с лексемой *русский*, возникла в начале 90-х годов, когда начался процесс распада СССР, и актуальными стали проблемы не только союзные, но и внутрироссийские. Национальная идентичность остро встала у народов, населяющих РСФСР. Появились проблемы, связанные с русскими, проживающими в ближнем зарубежье. Кроме того, открыто стали говорить о русском дальнем зарубежье, об эмигрантах первой, второй и третьей волн, о культуре, создаваемой за рубежом творческой интеллигенцией, вынужденной эмигрировать из Советского Союза. Именно в 90-е годы на страницах периодической печати появились новые номинации *русскоговорящий*, *руссофон*, *русскоязычный* - которыми обозначали людей, владеющих русским языком как родным, русского человека. Впервые «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской (1998) зафиксировал значение лексемы *русскоязычный* как «тот, для кого русский язык является родным; русский, живущий за пределами России». На это же время приходится активизация устаревшего слова *россиянин*, которое определялось 4-томным академическим словарем русского языка только как «русский». При этом слово имело стилистическую помету «высок». Иллюстративный материал словаря подчеркивает закрепленность слова за высоким стилем: «*Это стояли россияне, советские солдаты, крепкие люди*» (Емельянова, Взятие Познани).

В прессе 90-х *россиянин* стало употребляться в новом для этого слова стилистически нейтральном значении «Житель России. Гражданин России». Контексты того времени показывают, как носители языка, отталкиваясь от первоначального значения, пытаются осознать новые смысловые оттенки слова: *Термин «россиянин» тождествен только термину «русский». Это синонимы, не больше и не меньше. Так как на территории*

России (РСФСР) проживают представители многих национальностей, мы должны считаться с их национальными чувствами. Вряд ли татарину, калмыку или карелу будет приятно, если его назовут «россиянином» (Смена, 1990, авг.). Автор данного рефлексивного рассуждения, опираясь на первоначальное значение слова, пытается аргументировать несостоятельность нового употребления. Большинство других контекстов отмечает появление нового значения «Гражданин России» как состоявшийся факт: *Сейчас, конечно, уже трудно узнать, кто именно был первым, небрежно обронившим эффектное слово. Оно стало кочевать из репортажа в репортаж, сначала со Съезда народных депутатов РСФСР, а затем со съезда Российской компартии. Так появились и «депутаты-россияне» и «россияне-коммунисты». Теперь этот отнюдь не юридический термин стал все чаще звучать и на других уровнях, подменяя собой естественное понятие «граждане России»* (Смена, 1990, авг.). Подтвердим данное рефлексивное высказывание контекстами того же временного отрезка, в которых лексема *россиянин* употребляется в значении «житель России»: *Средняя посещаемость кино упала с 15,8 до 14,8 раза на каждого россиянина* (Огонек, 1988, №48); *Я слушаю, и мы все слушаем и товарища докладчика, и Сергея Васильевича Викулова, и мне казалось почему-то, что тут сидят одни русские, а тут же сидят россияне, и давайте говорить о россиянах тоже, – деликатно, но твердо заметил татарский писатель С.Гаффар* (Огонек, 1987, №40); *Россиянин Александр Морозевич выиграл у грессмейстера из Казахстана Евгения Владимиров* (Сегодня, 1988, 24.05).

В это же время у лексемы *россиянин* появилось еще одно значение «Люди, родившиеся в России; имеющие российское гражданство», например: *Насилие над законностью, над народом Прибалтики породит новые кризисные явления и в самой России, и в положении россиян, проживающих в других республиках, в том числе прибалтийских* (АИФ, 1991, март). Обычно с этим же значением употребляются и новые единицы *русскоговорящий, русофон, русскоязычный*. Таким образом, экстралингвистические причины были основным стимулом возникновения новых единиц и актуализации с последующим развитием многозначности слова *россиянин*.

Появление новых слов и новых значений не могло пройти мимо людей, особенно остро воспринимающих потерю национальной идентичности. Оппозиционно настроенная часть общества восприняла эти единицы как посягательство на их национальный статус. Если обратиться к наиболее частотным рефлексивам оппозиционного дискурса, то можно выделить ключевой концепт, имеющий самый большой набор рефлексивных высказываний. Центральной единицей метаязыкового корпуса рефлексивов становится концепт «русский», в котором, на наш взгляд, как в базовом компоненте национального самосознания происходит отстаивание, утверждение категории «своего» и непринятие «чужого». «Чужим» в данном случае были восприняты все новые лексические единицы. Оценочные контексты носят обычно тревожный характер, подчеркивают опасность сегодняшней жизни для русского человека: ***Опасное слово по нынешним временам — «русский». В стане демократов слова «русский патриот» запрещенные, ненавистные, чуть ли не нецензурные*** (Воля России, 1991, № 6); ***Кто это мы? Скорее всего мы — это труднопроизносимое слово «русские». Неужели русские обречены надевать маску вечных интернационалистов, прятать свое национальное лицо за безликое «мы»*** (Там же); ***У нас нынче всякий произносящий громко слово «русский» объявляется черносотенцем и фашистом*** (Наше Отечество, 1993, нояб.); ***Нависла угроза новой «культурной революции», ставящей главной целью духовное уничтожение страны, вытравливание самих понятий «русское», «русский народ», «русская культурно-историческая традиция»*** (Русский вестник, 1993, № 17).

Противопоставление «русского» всему остальному, с точки зрения оппозиции — «чужому», неистинному, происходит в рамках словесной оппозиции «русский — нерусский»: ***замки и дворцы «новых нерусских»; болтающая на всех языках «русская интеллигенция»*** (кавычки в данном контексте носят оценочный характер), ***так называемое «российское правительство»; молчит «нероссийское» правительство; вся нерусская рать претендентов на российское президентство*** и т. д.

Центральным вопросом российского национального самосознания становится вопрос о совмещении гражданской и этни-

ческой идентичности. Большинство россиян чувствует себя прежде всего «русскими людьми», а потом уже «гражданами России». Это ощущение двойственности, ощущение ложной подмены выражается в рефлексивах в протестной форме против нового концепта **россиянин**: «Кремлевские мечтатели», те вообще заселили Россию-матушку **таинственным племенем россиян** (Русский вестник, 1996, № 18—20); **Разрешено только слово «российский»**, ставшее ныне синонимом слова «советский», т. е. интернациональный. И люди какие-то русскоязычные появились, а не русские (Наше Отечество, 1993, нояб.); В последние годы жителей России в СМИ принято называть россиянами. Казалось бы, ничего особенного. Ну, были «советским народом», стали «россиянами». Как говорится, хоть горшком назови, только в печь не ставь. Однако **отчего так режет слух русского человека, когда он слышит, как его именуют «россиянином»?** Россияне — это лица нерусского происхождения, живущие издревле на территории России (Русский вестник, 1993, № 42); И власти и их «демократические» средства массовой информации преднамеренно и упорно избегают употреблять слова «русские», «русский народ». **Пущено в ход слово «россияне». Звучит оно фальшиво и оскорбительно. Все это само по себе имеет свойство деградировать нацию** (Русский вестник, 1992, № 49—52); Уж не в оккупированной ли стране мы живем, если нам **пытаются запретить даже использовать слово «русский»**.Слово «русский» — не матерщина, не оскорбление и законом не запрещено к использованию. Если оно кого-то в этой стране коробит — вас, простите, не задерживают (Русский вестник, 1994, № 15—17); **Свободное слово «русский» против фальшивого подлого слова «россиянин»; В моде стало слово «россиянин»,** которым реформаторы пытались притупить всплеск самоопределения уже у бывших автономий; Не хватает пустяка — принять такой закон об экстремизме, чтобы в тюрьму можно было посадить любого, кто вместо слова «россиянин» произнесет слово «русский»; Причем распространяется это в основном как раз на русских, другие народы свое историческое имя в слове «россиянин» растворить не спешат (электронные СМИ).

Обобщающая лексема «россиянин», которая приходит на

смену «советскому человеку» и призвана детерминировать социальную идентичность многих людей в рамках нового суперэтноса, не выполняет пока свою функцию, находится в стадии становления, так как не обладает смысловой насыщенностью прежних форм социальной идентификации, поэтому не способствует наиболее адекватной адаптации в изменяющейся социальной реальности. Рефлективы указывают на динамику формирования концепта предикативной частью (*появилось, пущено в ход, стало в моде, распространяется*), временными указателями *в последние годы, ныне, нынче*. Оценочная часть отражает неприятие нового концепта как ложной подмены (*режет слух, таинственное, какое-то, фальшивое, оскорбительное, подлое*).

Такой же отрицательный заряд был направлен и в адрес новых лексем: **Русофон**. *Неологизм перестроечной эпохи, обретший качество клейма* (Советская культура, 29.12.90); **О русскоязычии и русскоязычных**. *Эти слова, возникшие, по-видимому, недавно (ни в одном из доступных толковых словарей их нет) и, скорее всего, калькированные с немецкого или французского, быстро получили эмоциональную окраску: сделались под некоторыми перьями, в иных устах чуть ли не ругательством* (Литературная газета, 12.12.90); *Разделять советское общество по принципу русский и русскоязычный – абсурдно и преступно* (Правда, 07.06.90).

Новым лексемам и лексико-семантическим вариантам уже свыше 10 лет. Лексема *россиянин* широко употребляется в русском языке в значении «житель России». Ее новый лексико-семантический вариант подтвердил свое право на существование на государственном уровне, когда впервые в новогоднем обращении первый российский президент Б.Н. Ельцин назвал жителей России россиянами. Часто в этой связи Б.Н. Ельцину приписывают авторство этой единицы. До последнего времени по-прежнему не утихают споры о необходимости этого слова, продолжается разнонаправленная эстетическая оценка. Среди пользователей Интернета был проведен конкурс «Россияне» с заданием «Предложи свое название жителей России». В качестве иллюстрации приведем диалог, состоявшийся в Интернете в рамках этого конкурса: *Как же в голову вбили слова «россияне», «россиянское». Надуманный предавшим Россию человеком шаб-*

лон. Можно заодно придумать названия для американцев, украинцев, канадцев. Может назовем россиян россиянами? – Ни россиянами, ни россиянами называть не надо. Россияне – оно все же как-то попрличней будет. В конце концов, и Беллинсгаузен в Тихом океане острова так назвал – «Острова россиян». Кстати, россияне не придуманы этим человеком или еще кем-то. В конце концов, это нормальное имя для жителей многонациональной страны. – Ну, хорошо, хорошо, беру свои слова обратно, никого из россиян обидеть не желал. Я и сам – многонациональный. А американцев, кстати, можно и «американами» называть, добрее выходит. Таким образом, на наших глазах устаревшая единица из пассивного запаса языка входит в широкую речевую повседневность, мы наблюдаем этап ее социализации, сопровождающийся многообразием оценочного отношения субъектов речи к употребляемой единице. Этот этап обычно предшествует стадии стабилизации и потери исключительности слова.

В связи с процессом национально-государственной идентификации концептуальное напряжение вызывает новое осмысление концептов «Родина», «Отечество», «Отчизна».

Концепт *Родина* для советского человека был прежде всего идеологическим конструктом. Но в то же время русский дискурс о Родине отличается своей амбивалентностью — «“подвешенным” состоянием между властью и сопротивлением» [Сандомирская 2001: 17]. С одной стороны, апелляция к патриотическим ценностям — характерная черта российской государственности, с другой стороны, интересами Родины, любовью к Отчизне и долгом перед Отечеством не в меньшей степени вдохновляются и критика власти, поэтический романтический бунт.

Обращение к современному осмыслению обыденным сознанием концептов *Родина*, *Отечество*, *Отчизна* в связи с проблемой национальной и идеологической идентификаций постсоветского человека помогает выделить ряд когнитивных слоев, вокруг которых выстраиваются типичные интерпретации данных единиц*. Наряду с узуальными базовыми слоями концепта *Ро-*

* Наш материал был дополнен ответами информантов, зафиксированных в ходе дискуссионных фокус-групповых исследований, прове-

дина: 1) территория, земля, место рождения; 2) вся страна как место проживания, как пространство власти и некоторого единого порядка, — рефлексивы отражают опыт личностных переживаний. Кроме того, *Родина* — это 3) место сильнейшего психического притяжения и постоянного возвращения: *То место, в которое можно вернуться и где тебя будут любить; Мне всегда хочется поехать туда, потому что с этим связано все самое дорогое для меня: дом, родители; Это то место на земле, куда непреодолимо тянет, даже если ты находишься в великолепных условиях, в другой стране*; 4) образное восприятие родного пространства, природы: *Сразу в памяти дом в саду, смородина, толстый тополь у ворот; Русский лес, воспетый Л. Леоновым и Михаилом Пришвиным, дарящий нам свою красоту, — составная часть того, что мы зовем негромким словом — Родина; Если осталось что-то от слова «Родина», то это деревня, рыбалка, лес и грибной сезон; Со словом «Родина» связано слово «родинка», что-то маленькое, близкое, родное, навсегда свое. Все эти маленькие понятия и стали большим словом «Родина».*

Рефлексивы по поводу концепта *Родина* артикулируют процесс продолжительных и мучительных размышлений о метаморфозах русского этнического самосознания в связи с происходящими переменами: *Кто, что встает перед нами при упоминании слова Родина? Слова Родина, Долг, Честь — святыя слова; Слово Родина сегодня не в моде, произносится с юмором; Некоторые считают, что слово Родина надо писать с большой буквы и носить в сердце, а другие — с прописной и носить в штанах. Лучшие писать слово Родина со средней буквы; С момента развала СССР слова Родина и патриотизм стали для меня абстрактными понятиями; Да, в слове Родина много советского; Наши деды проливали за нее кровь, для них что-то еще значило слово Родина.*

Рефлексия свидетельствует о том, что **Родина** остается мар-

денных в январе 2001 года Фондом «Общественное мнение», где участникам были предложены для обсуждения понятия *Родина, Отчизна и Отечество* [см. об этом: Колосов 2001].

кером некоторой высшей ценности, которая претерпевает инфляцию в связи с пересмотром ценностных установок. Связь с понятием *советская Родина*, идеологическая нагруженность сакрализованного слова дискредитируют концепт. Тем не менее русские не отказываются от своей традиционной рефлексивной практики — задумываться, страдать, радеть о судьбах всей России. В качестве иллюстрации можно привести пример дискуссии, развернувшейся в октябре 2002 года по вопросу о том, стоит ли возвращать памятник Ф. Дзержинскому на Лубянскую площадь в Москве. Оппонентом мэру Москвы Ю. Лужкову, выдвинувшему идею возврата памятника на прежнее место, выступил в передаче «Свобода слова» на НТВ Андрей Макаревич. Из зала ему была брошена реплика: *Да Вы не любите свою родину, Советский Союз*, на что А. Макаревич ответил: *Нет, я люблю свою Родину, но я не люблю советскую власть* (5.10.02).

Смысловое наполнение концептов *Отчизна* и *Отечество* смещено по сравнению с *Родиной* в сторону большей идеологичности, официальности, эмоциональной холодности и отчужденности. Прослеживается тенденция к преобладанию суждений не столько эмоциональных, сколько рациональных, содержащих субъективную оценку: *Родина, Отчизна, Отечество, Земля-матушка, Российская империя, святая Русь, государство, страна, родной край — вот слова, которыми мы называем Россию; Родина — это свое, а Отчизна — больше, чем Родина; Высокпарное слово, почти вышедшее из употребления.*

Противопоставление концептов *Родина* и *Отчизна* идет по следующим признакам: «теплое — холодное»: *Родина, мне кажется, — это большой очаг; Отчизна — слово далекое, холодное;* «большое — маленькое»: *Отчизна — это что-то большое, а Родина — маленькое, близкое, родное, свое;* «повседневное — официальное, высокое»: *Высокопарные слова «Отечество», «Отчизна»; «Отечество» — это более высокое, а «Родина» — привычное, мы в обиходе используем;* «индивидуальное, личное, субъективное — общее, государственное, политическое»: *«Отечество» для меня более политического характера — вот государство, скажем так. «Родина» — это мое личное, а «Отечество» — это слово государственное;* противопоставление с опорой на внутреннюю форму: *Подберите однокоренные*

слова к слову «Родина» — родной, родимая, родня, род; «Отчизна» — это от слова «отец»; «Отечество» — подразумевается: там, где рождены твои отцы и деды.

В метаязыковой ряд, обсуждающий единицы именования родной страны и личностное отношение к ним, можно отнести контексты, которые оспаривают уместность и точность современного употребления местоимения «эта» в словосочетании «эта страна»: *Мы решили опубликовать авторов самых разных политических убеждений, лишь бы они относились к России не как к «этой», а как к «своей родной» стране* (Русский Востокъ, 1996, № 19); *Мне кажется, что с того момента, когда человек начинает называть свою Родину «эта страна» вместо «моя страна», он становится к ней во враждебно-безразличную позицию. Если вы скажете про себя о ней отчужденно, например, «в этой стране всегда было так» — и вас не покоробит, вам не станет не по себе, то вы уже американизированы, т. е. вы стали на «этой территории» вечным жидом и, следовательно, перестали быть русским* (Русский порядок, 1995, № 1—2); *Российское телевидение насаждает порнографию в своей стране. В своей? Там обычно говорят: «в этой».* *Может быть, когда «эту» страну вытравят, нам в той стране места уже не найдется* (В. Распутин, Русь державная, 1995, № 2); *Выьем за то, чтобы говорить, что мы живем в нашей стране, а не в этой стране* (ОРТ, Человек и закон, новогоднее поздравление авторов программы, 6.12.98).

В данных рефлексивах мы наблюдаем подмену социальных конвенций в разграничении «личного» и «неличного». Категория «личного» предполагает идентификацию говорящего с субъектом своего восприятия и своих эмоций. Одним из важнейших аспектов «я» является понятие «мое». Из приведенных контекстов следует, что речевые действия другого субъекта по отношению к стране как к категории не личного, а общественного порядка, воспринимаются авторами высказываний абсурдными и чуждыми в силу их собственной экспансии личного на категорию общественного социального контекста. В рамках рефлексивов идет столкновение различного понимания границ социального континуума.

В сложной природе многоплановых идентификаций на пер-

вый план выступает проблема описания, осознания «себя» и «других» как носителей этнонациональной общности, имеющих общий национальный характер. Национальный характер, т. е. представление народа о самом себе, существует «в виде стандартных для людей, принадлежащих одной культуре, реакций на привычные ситуации» [Уфимцева 1997: 26]. Путем самоосмысления, самопознания народ «формирует себя самого и в этом смысле — свое будущее» [Касьянова 1994: 8]. Этнические представления о себе и других имеют стереотипный, обязательный характер, регулируют не только собственно этнические, но и другие системы взаимодействия. Этническая идентификация предполагает связь с корневой базой — историческим прошлым. На важность национальных корней в жизни человека указывали многие русские философы начала XX века [см., например: Бердяев 1990; Ильин 1993; Трубецкой 1995]. Благодаря их работам сформировалось твердое убеждение, что долгом каждого этноса должно быть самопознание. Именно результатами такого самопознания являются представления о русском национальном характере, которые мы находим в работах Н. Бердяева [1918; 1952], В. Розанова [1990], М. Волошина [1990], Л. Гумилева [1990] и др. Эту традицию продолжают современные философы, историки и филологи.

Культурно-историческая преемственность — величина динамическая, она может меняться от факторов престижности, опасности, смены гражданства и т. п. Этнические стереотипы, касающиеся русского этноса, россиян и самой России, представленные в современных массовых изданиях разных уровней, могут рассматриваться как автостереотипы, поскольку пишутся от имени русских или россиян и объединяются идеей «мы».

Наши наблюдения позволяют утверждать, что автостереотипы-образы редко присутствуют в виде рефлексивов по поводу слова. Форма подачи автостереотипов — чаще всего развернутые аналитические статьи или интервью с известными представителями русской интеллигенции, в которых содержится оценка «русскости». Типичное для современных СМИ ерничество предполагает юмористическую форму автостереотипного описания (см., например, ряд интервью с известным сатириком М. Задорновым). Выделяются две противоположные тенденции,

наметившиеся в этническом автопортрете. С одной стороны, «этнический плебеизм», «этнонигилизм», выражающиеся в своеобразном охаивании собственной этничности, что еще более усиливается на фоне отсутствия национальных успехов [см.: Малькова 2002: 297—298]: **Нынешнюю Россию, преступную, коррумпированную, откровенно безнравственную, с недееспособной и услужливой чужим интересам властью, распродающую себя направо и налево за гроши и себя убивающую — такую Россию боятся сейчас во всем мире** (Русь державная, 1997, № 12); **Никто не знает, что такое русская цивилизация — то ли отрезанная голова у седла опричника, то ли позолоченный купол очередной, никому не нужной церкви, то ли загибающийся у тюремной парашки Мандельштам, то ли оперетта Никиты Михалкова с градоначальниками, фейерверками и блинами** (АИФ, 2002, июнь); **Странное название — Россия,/Будто не было другого слова.../Это же надо было так красиво/Называть страну, где так хреново!** (С. Гальперин, МК-Урал, 2001, февр.); **Давеча генеральный прокурор Устинов утверждал: за последние триста лет российский народ не стал менее вороватым. Вообще-то это мягко сказано. Надо честно признать, что по части воровства наш народ добился результатов выдающихся. На данной стадии нашего с вами развития слово «вороватый» уже не подходит. Вороватый — это когда колосок с поля, когда ведро угля из вагона или охапку белья с веревки. С этим у нас действительно все нормально, как и триста лет назад. А вот умение воровать миллионы и миллиарды, и не рублей, а долларов, и при этом не забиваться в угол, как тварь дрожащая, а оставаться на виду, цвести и пахнуть — это явление своего названия пока не имеет. И мир изумленно косит глазом в сторону России, пугаясь нового проявления могучего таланта ее народа** (МК-Урал, 2001, февр.); **Слухи об уме русского человека сильно преувеличены. Ум у него специфический. Стоя на грани бедности, голодный и оборванный, он может часами рассуждать о бедственном положении негров в Америке** (АИФ, 2000, июнь); **Мы такие бедные потому, что думаем, что мы такие умные. Мы сделали собственную лень предметом гордости** (Там же); **Меня за то ругают: ты народ не любишь. Да, во многих его ипостасях народ наш я не люблю сейчас, на старости**

лет. К концу тысячелетия мы подходим в очень плохом состоянии, и прежде всего нравственном и духовном. Я прежде всего не патриот тому, когда он, народ, навалется в грязи, ленивый, опившийся плохой водки, а ему говорят... (В. Астафьев, 1998, февр.).

С другой стороны, намечается тенденция самоутверждения «русскости» как некой спасительной гавани после периода замешательства и кризиса идентификации. В условиях доминирующей негативной составляющей востребованным оказывается «позитив», т. е. «набор признаков, годящихся для опорной конструкции» [Левада 1999: 33]. Наступило время резкой постперестроечной критики, обыденное сознание находится в поисках положительных черт в русском национальном характере. По результатам социологических опросов русские за период с 1989 по 1999 год стали в собственном массовом воображении значительно более энергичными, гостеприимными, открытыми, простыми и даже более трудолюбивыми, реже бичуют себя за непрактичность и безответственность. На одном уровне на протяжении десятилетия сохраняется лишь показатель лени как национальной особенности [см.: Там же: 33]. Травматический опыт прошлого трансформируется в парадоксальную форму национальной гордости своим терпением или страданием. Рефлексивные высказывания документируют положительные чувства по отношению к русскому человеку: *Раньше за границей говорили: «Вон идут русские». Значит, чем-то мы отличались. Отсутствием прагматичности, хорошим разгильдяйством, чувствами* (Известия, 1995, окт.); *Преклоняю свою седую голову перед мужественными людьми, кто верит в Россию, в ее мужественный, одаренный, терпеливый народ* (Российская газета, 1998, янв.); *Молодые русские люди — у них неукротимая энергия, они веселы, активны, не меркантильны, им хорошо вместе. Они свободны от наследия «проклятого советского прошлого», как кто-то сказал: первое непоротое поколение. Это те, кто реально может что-то сделать, кого можно научить и кто может научиться* (Огонек, 1994, дек.); *«Новый человек» в России — энергичный, предприимчивый, сумевший уверенно перестроиться в русле времени. Его девиз — смелость, трезвость и честность. А еще — доброта. Он знает*

цену себе, способен быть самокритичным. Человек действия и результата (Семья, 1994, июль); **Лицо поколения — энергичность, предприимчивость, самостоятельность, свобода** (Известия, 1995, окт.); **Я считаю себя «старым новым русским».** **Ведь занимаюсь я старым делом, но в новых условиях. Я вижу, как работают предприниматели, которые чего-то достигли, — минимум 12 часов в день. Уровень ответственности огромный. Они оказывают огромную, благотворительную помощь населению** (Труд, 1995, июнь); **И русский человек, и русский бизнесмен отличаются от западного, потому как иного быть не может. Только русский способен проявлять чудеса деловитости днем, а потом за один вечер спустить все с трудом заработанное да еще и в долгах оказаться. И работает наш человек споро, и гуляет от всей души.** «Новых русских» не бывает, потому что человек наш не меняется в зависимости от времени и конъюнктуры. **Русские — это мы** (Огонек, июль, 96); **У нас нет и не было своих Макиавелли, мы не умеем плести долгие кружева интриг, это не наш генотип. Мы открытые люди** (КП, 2002, апр.); **Те, кто обогатился дуриком, либо уехали на Канары, либо разорились. А те, у кого оказался врожденный талант, продолжают уже не воровать, а развивать производство** (Там же, март); **Население росло еще и потому, что Русь всегда знала баню, а Европа дважды изгоняла, католическая церковь ее запрещала, как разносчик эпидемий и разврата. Так и жили европейцы, не моясь, до XIX века** (Там же); **Остается только суд. Но при этом раскрывается наше российское нежелание сутяжничать** (МК-Урал, 1998, апр.).

Недостатки русского национального характера рассматриваются сквозь призму доброжелательности, восхищенного удивления: **Вот она, наша русская ментальность! Вот она, загадочная русская душа! 199 человек не поленились и позвонили в редакцию «МК», чтобы высказать свою поддержку американскому президенту, попавшему в неловкое положение из-за сексоткровений бывшей сотрудницы Белого дома. При этом «наймитку капитала» Моннику Левински, а заодно и другую бывшую якобы подружку Клинтона Полу Джонс заклеили позором так, что мало не покажется! Президент Клинтон благодаря своему богатырскому здоровью стал чуть ли не русским нацио-**

нальным героем. Держись, Билл! Россия с тобой! Руки прочь от зиппера Клинтона! (МК-Урал, 1998, февр.).

Рефлексия обыденного сознания является благодатной почвой для создания мифологемы русской духовности, предполагающей пренебрежение материальными благами русского народа, легенды о русском терпении или особом миролюбии русских, постоянно оказывающихся жертвой агрессии со стороны других. О сформированности русского комплекса «жертвы» говорил В. Астафьев: *Народу говорят: «Вот ты, народ, страдаешь, вот в канаве валяешься, бедный, тебя туда толкнул Ельцин. Ты раньше в канаве не валялся, ты раньше на производстве у станка стоял по 8 часов и сейчас бы стоял, зарплату бы вовремя получал. А сейчас, гляди-ка, что с тобой происходит. Тебя толкнули в канаву. Это американцы помогли!» Глупости!* (АИФ, 1998, февр.).

Подобное, по Л. Гудкову [1999], сознание (комплекс) жертвы возникает как реакция на напряжение в современной общественной системе, являющей собой зону ценностной неопределенности, на дефицит национального самоуважения, на разорванную коллективную идентичность, представляющих в совокупности комплекс национально-государственной идентификации.

Подведем итоги. Современные россияне переживают потерю тождественности в результате отречения от советского прошлого. Особенно значимой становится этническая принадлежность человека как реакция на нестабильность современного общества. Неясно выраженные позитивные факторы «своего» способствуют проявлению амбивалентности массового сознания, появлению оппозиционных связей антонимического типа лексем *русский – россиянин*, распространенности разнообразно выраженных фобий. Когнитивная деятельность индивида, эксплицитно выраженная в рефлексивных высказываниях, отражает динамический процесс адаптации современного российского человека к новой действительности.

Литература

- Андреева Г.М.* Психология социального познания. - М., 2000.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.-М., 1990

Бердяев Н.А. Национальность и человечество // Судьба России. - М., 1918.

Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого. - Париж, 1952.

Волошин М. Россия распятая // Юность. 1990. № 10.

Гудков Л. Комплекс «жертвы»: Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999а. № 3.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., 1990.

Дробижева Л.М. Теоретические вопросы этничности [Гл. 2]; Этническое самосознание: идеология и поведение [Гл. 9] // Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. - М., 1998.

Иванова Н.И. Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность. - М., 2002.

Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. - М., 1993.

Касьянова К. О русском национальном характере. - М., 1994.

Колосов А.В. Родина — Отчизна — Отечество: К вопросу о тестировании понятий // Поле мнений. Фонд «Общественное мнение»: Дайджест результатов исследований. Вып. 7.- М., 2001

Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. - М., 1993.

Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т.20, №3.

Левада Ю.А. Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность. 1999. № 5.

Малькова В.К. Особенности стереотипизации этносов в российской прессе: Проблемы национального достоинства и толерантности // Идентичность и толерантность. - М., 2002.

Норман Б.Ю. Основы языкознания. - Минск, 1996.

Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество. - М., 1997.

Розанов В.В. Черты характера Древней Руси // Религия и культура. - М., 1990. Т. 1.